

Для цитирования:

Кушнарев А. С. К вопросу о процессуальной правоспособности лиц с отредактированным геномом // *European and Asian Law Review*. 2025. № 4. Т. 8. С. 19–24. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_19.

Information for citation:

Kushnarev, A. S. (2025) K voprosu o protsessual`noi pravospособnosti lits s otredaktirovannym genomom [On the Issue of Procedural Legal Capacity of Individuals with Edited Genomes]. *European and Asian Law Review*. 8 (4), 19–24. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_19.

УДК: 347.921.1

BISAC: 011000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_4_19

Научная статья

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ЛИЦ С ОТРЕДАКТИРОВАННЫМ ГЕНОМОМ

А. С. Кушнарев

Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0002-7433-1473

В статье исследуется вопрос процессуальной правоспособности лиц, в чей геном посредством технологии CRISPR-Cas9 были внесены изменения. Автором в работе проанализировано международное и национальное правовое регулирование в области защиты прав лиц с отредактированным геномом на предмет их процессуальной правоспособности. На основании анализа делается вывод о том, что действующее правовое регулирование исключает правосубъектность эмбриона, а вместе с ней и право лиц, в чей геном вносились изменения, на обращение за судебной защитой в будущем. В связи с этим актуализируется необходимость разработки отдельного правового статуса эмбриона, что позволило бы закрепить его процессуальную правоспособность в будущем.

Ключевые слова: редактирование генома человека, технология CRISPR-Cas9, эмбрион, правосубъектность, процессуальная правоспособность

ON THE ISSUE OF PROCEDURAL LEGAL CAPACITY OF INDIVIDUALS WITH EDITED GENOMES

Alexander S. Kushnarev

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-7433-1473

The article examines the issue of the procedural legal capacity of persons whose genome has been modified using the CRISPR-Cas9 technology. The author analyzes the international and national legal regulation in the field of protection of the rights of persons with an edited

genome for their procedural legal capacity. Based on the analysis, it is concluded that the current legal regulation excludes the legal personality of the embryo, and with it the right of persons whose genome has been modified to seek judicial protection in the future. In this regard the need to develop a separate legal status of the embryo is being actualized, which would make it possible to consolidate its procedural legal capacity in the future.

Keywords: *human genome editing, CRISPR-Cas9 technology, embryo, legal personality, procedural legal capacity*

Стремительное развитие генетических технологий уже сегодня позволяет купировать ряд заболеваний и предотвратить их передачу будущим поколениям. Подтверждением тому выступает создание современной медицинской технологии CRISPR-Cas9 (технология редактирования генома человека), позволившей с целью предупреждения наследственных заболеваний посредством метода «молекулярных ножниц» производить изолированные мероприятия с генами человека, к примеру удаление «дефектного гена» или его замену на «здоровый».

Вместе с тем прогресс в области генетики, открывающий пути для медицинского воздействия на наследственность и репродукцию человека, опережает создание необходимой системы правового регулирования, призванной не только закрепить право человека на использование новых технологических возможностей, но и обеспечить надежную защиту этого права. Как указывает Конституционный Суд РФ в постановлении от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона „О страховых пенсиях“ в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой», накопленный опыт регулирования в сфере использования современных медицинских технологий не исключает возможность определенного отставания нормативной регламентации от развития соответствующих технологий и связанных с их применением общественных отношений, что создает трудности в разрешении возникающих споров правоприменителем.

Одним из неразрешенных аспектов правового регулирования технологии редактирования генома человека по-прежнему остается вопрос процессуальной правоспособности лиц, в чей геном вносятся изменения. «Переписывание» генетического кода посредством технологии CRISPR-Cas9 предполагает модификацию как соматических, так и репродуктивных клеток. И если редактирование соматических клеток человека не вызывает серьезных споров, поскольку последствия изменения генома будут касаться лишь самого лица, принявшего такое решение и являющегося субъектом права, то в случае с изменением зародышевых клеток манипуляции проводятся на эмбрионе, не выразившем согласие на вторжение в его геном и лишенном правосубъектности [Montgomery, 2018], а вместе с ней и процессуальной возможности обратиться за защитой своих нарушенных прав.

В итоге возникает положение правовой незащищенности эмбриона в силу отсутствия у него процессуальной правоспособности. Показательно иллюстрирует сложившуюся ситуацию судебное решение, приведенное в работе И. Х. Бабаджановым и М. В. Сальниковым: «...не удалось получить компенсацию ребенку, при рождении которого во время операции кесарева сечения была нанесена глубокая резаная рана левой щеки, что повлекло за собой болезненные ощущения и неизгладимое обезображивание лица. В судебном заседании речь шла только о моральной вреде, причиненном родителям, так как судебная практика не признает правосубъектность неродившегося ребенка» [Бабаджанов, Сальников, 2016: 123]. Возникает закономерный вопрос: «В случае неудачно проведенного генетического редактирования и возникновения в дальнейшем каких-либо серьезных отклонений (мутаций), которые, в свою

очередь, могут передаваться дальше по наследственной линии к потомкам, остается ли лицо, в чьи репродуктивные клетки были внесены изменения, лишенным права на свою защиту?» [Фомина, 2019: 40]. Приведенный пример и возникший вопрос показывают, что отсутствие правосубъектности, а вместе с ней и процессуальной правоспособности эмбриона оставляет будущее лицо фактически беззащитным.

Критический характер вопрос приобретает в силу наличия материальных оснований для притязания у будущего человека. Статья 8 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека (принята на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 11 ноября 1997 г.) гласит, что каждый человек в соответствии с международным правом и национальным законодательством имеет право на справедливую компенсацию того или иного ущерба, причиненного в результате непосредственного и детерминирующего воздействия на его геном. В связи с этим актуализируется необходимость обеспечения правовой защиты лиц, в чей геном были внесены изменения. Для этого потребуется нормативное закрепление права родившегося человека на получение справедливой компенсации ущерба, причиненного в результате воздействия на его геном.

Как можно заметить, «камнем преткновения» в вопросе возможности защиты своих прав лицом, чей геном был подвержен модификациям, выступает правосубъектность такого лица, если быть точнее, момент ее возникновения.

Международное право основывается на признании эмбриона человеческим существом и наделяет его правом на жизнь с момента зачатия. Так, в соответствии с Преамбулой Декларации прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.) «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Преамбула Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) содержит ссылку на Декларацию прав ребенка в части необходимости охраны и заботы о ребенке до и после рождения. Статья 4 Американской конвенции о правах человека (принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе) устанавливает, что «каждый человек имеет право на уважение его жизни, это право охраняется законом, в целом – с момента зачатия». Анализируя международные этические документы, Е. Л. Коноплева и В. М. Остапенко также делают вывод, что «подавляющее их большинство провозглашает эмбриона человеческим существом и признает за ним право на жизнь с момента зачатия» [Коноплева, Остапенко, 2015]. Как можно заметить, приведенные нормы создают необходимые правовые предпосылки для формирования и нормативного закрепления в национальных законодательствах правового статуса эмбрионов.

Интересной на этот счет представляется практика Европейского Суда по правам человека, который придерживается сдержанного подхода, не вдаваясь в размышления по поводу того, с какого момента начинается человеческая жизнь, предоставляя европейским странам свободу усмотрения. Так, в деле «*Evans v. UK*»¹ Европейский Суд применил этот подход, основанный на свободе усмотрения, к эмбрионам, появившимся на свет путем оплодотворения *in vitro*. Большая палата Европейского Суда отклонила довод заявительницы о том, что уничтожение эмбрионов привело бы к нарушению ст. 2 Конвенции, решив, что позиция законодательства Соединенного Королевства, согласно которому эмбрион не имел права на жизнь, не выходила за рамки свободы усмотрения государства по данному вопросу, учитывая «отсутствие какого-либо европейского консенсуса о научном или юридическом

¹ The European Court of Human Rights. Judgment of 10 April 2007. *Evans v. UK*. Application no. 6339/05 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%7B%22001-80046%22%7D> (дата обращения: 02.05.2025).

определении момента жизни». В другом деле – «*Boso v. Italy*»² – Европейский Суд отметил, что, поскольку в Европе нет правового, медицинского, этического или религиозного консенсуса относительно того, когда начинается жизнь, доктрина свободы усмотрения применяется даже тогда, когда Европейский Суд сомневается, было ли «желательно или даже возможно в зависимости от обстоятельств дать абстрактный ответ на вопрос о том, является ли нерожденный ребенок человеком по смыслу статьи 2 Конвенции».

Однако несмотря на сдержанную и осторожную позицию Европейского Суда по правам человека, ряд судей выступает с весьма прогрессивными и важными идеями о необходимости закрепления за эмбрионами права на жизнь. Так, судья Европейского Суда Д. И. Дедов в особом мнении по делу «*Parillo v. Italy*» указывает, что «право эмбриона на жизнь нельзя ставить под сомнение из-за того, что до имплантации его потенциал развития – это нечто такое, что можно поддерживать искусственным путем, так как любая такая новая технология представляет собой естественное достижение, созданное человеком». По этому делу особое мнение высказал и судья Паулу Пинту де Альбукерке; он отметил, что «эмбрион – это не вещь и не имущество, а другое лицо, поскольку обладает уникальной биологической идентичностью, в связи с тем, что эмбрион содержит в себе генетический материал своих предков, между ним и сделавшей ЭКО женщиной возникают потенциальные отношения материнства». Далее в особом мнении Паулу Пинту де Альбукерке приводит позиции Ассамблеи Европы по рассматриваемому вопросу, а именно что «человеческие эмбрионы и зародыши при любых обстоятельствах требуют обращения, достойного человека, поскольку жизнь человека развивается непрерывно с момента оплодотворения яйцеклетки». В контексте отсутствия у родившегося человека, в чей геном были внесены изменения, возможности защиты нарушенных прав, мнения судей о необходимости достойного обращения с эмбрионами, равно как с человеком, представляются обоснованными и направленными на обеспечение прав родившихся лиц. Схожего мнения придерживается и российский судья Европейского Суда А. И. Ковлер, указывая, что «...современное право решительно определяет начало жизни человека с момента оплодотворения яйцеклетки» [Ковлер, 2002: 428].

Российский правовой порядок базируется на положении ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому права принадлежат каждому с момента рождения и только после этого становятся неотчуждаемыми. Следовательно, человеческому эмбриону не могут принадлежать права, гарантированные российской Конституцией. В свою очередь, Е. В. Григорович указывает на «правовую неопределенность возможности защиты эмбриона и плода» [Голубов, Григорович, 1999: 30]. Однако если убрать в сторону научные дискуссии, остается одно: в российском правовом порядке у родившегося человека, в чей геном были внесены изменения посредством технологии CRISPR-Cas9, отсутствует возможность обратиться за защитой своего права по причине определения момента возникновения гражданской правоспособности рождением.

Такой подход представляется несправедливым, поскольку он не соответствует гарантиям, предусмотренным международно-правовыми актами, а также ставит лиц, в чей геном были внесены изменения без их согласия, по сути, в бесправное положение. Учитывая изложенное, а также то, что Российская Федерация является участником Декларации прав ребенка 1959 г. и Конвенции о правах ребенка 1989 г., необходимо заключить, что отечественное законодательство при выстраивании модели правового регулирования отношений, возникающих по поводу использования технологии редактирования генома человека, обязано предусмотреть право

² The European Court of Human Rights. Judgment of 5 September 2002. *Boso v. Italy*. Application no. 50490/99 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на получение справедливой компенсации ущерба, причиненного в результате воздействия на геном этого родившегося человека.

Говоря об отрицании российским правовым порядком возможности надления эмбрионов правосубъектностью, хотелось бы остановиться на правовой формуле, установленной в ст. 1116 Гражданского кодекса РФ: «К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Из текста статьи прямо не следует, что зачатие должно произойти только естественным путем, тем самым допускается возможность зачатия при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО). Следовательно, гражданское законодательство наделяет эмбрионов частичной правосубъектностью. Безусловно, используемый законодателем подход породил неутраченную дискуссию о том, идет ли в норме речь об элементе правосубъектности либо же отдельном субъективном праве [Булавина, Долинская, Заикина, 2023]. Однако применительно к теме исследования важно не столько содержание права, сколько сам факт надления им еще не родившегося, но зачатого субъекта. Ведь если законодательство в определенных случаях допускает наличие прав у эмбрионов, зачатых с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (права наследовать), то почему бы не наделить этого же субъекта правом на обращение за защитой нарушенных прав³?

Стоит сказать, что в отечественной юридической науке можно найти воззвания к пересмотру правового статуса эмбриона человека [Волкова, 2004]. С. В. Гландин справедливо указывает, что «юридическая наука требует закрепления правового статуса эмбриона, особенностей его регулирования в различных отраслях российского права с опорой на современные тенденции права международного» [Гландин, 2014].

Таким образом, актуализируется необходимость разработки отдельного самостоятельного правового статуса эмбриона, который позволил бы закрепить его правосубъектность, а вместе с ней и право лиц, чей геном был отредактирован, на обращение за судебной защитой в будущем. Отмечу, что выдвинутое предложение позволит преодолеть один из барьеров на пути развития и внедрения технологии редактирования генома человека в медицинское пользование⁴.

Библиографический список

Montgomery J. Modification of the Human Genome: Challenges from the Human Rights Sphere Caused by Scientific and Technological Advances // *Precedents of the European Court of Human Rights*. – 2018. – № 3. – С. 42–56.

Бабаджанов И. Х., Сальников М. В. Статус эмбриона человека: проблемы правового регулирования // *Мир политики и социологии*. – 2016. – № 10. – С. 120–130.

Булавина М. А., Долинская В. В., Заикина И. В. Проблемы правосубъектности несовершеннолетних // *Современное право*. – 2023. – № 6. – С. 40–46.

Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // *Законность*. – 2004. – № 4. – С. 6–10.

Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // *Закон*. – 2014. – № 4. – С. 136–141.

Голубов И. И., Григорович Е. В. Уголовная ответственность при использовании искусственных методов репродукции // *Юрист*. – 1999. – № 11. – С. 27–30.

³ При условии, что зачатый ребенок родится живым.

⁴ Редактирование генома: как ограничивают научные прорывы в России и мире и при чем тут этика // URL: <https://incruussia.ru/understand/redaktirovanie-genoma/> (дата обращения: 09.12.2025).

- Ковлер А. И. Антропология права: учеб. для вузов. – М.: Норма, 2002. – 467 с.
- Коноплева Е. Л., Остапенко В. М. К вопросу о проекте федерального закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)» // Медицинское право. – 2015. – № 3. – С. 14–19.
- Фомина О. Ю. О возможности судебной защиты при редактировании генома человека // Lex Russica. – 2019. – № 6. – С. 37–47.

References

- Babadzhanov, I. Kh. & Sal'nikov, M. V. (2016) Status embriona cheloveka: problemy pravovogo regulirovaniya [Status of the human embryo: problems of legal regulation]. *Mir politiki i sotsiologii*, (10), 120–130.
- Bulavina, M. A. & Dolinskaya, V. V. & Zaikina, I. V. (2023) Problemy pravosub`ektnosti neso-vershennoletnikh [Problems of legal personality of minors]. *Sovremennoe pravo*, (6), 40–46.
- Fomina, O. Yu. (2019) O vozmozhnosti sudebnoi zashchity pri redaktirovanii genoma cheloveka [Availability of judicial protection in the process of editing the human genome]. *Lex Russica*, (6), 37–47.
- Glandin, S. V. (2014) O statuse embriona cheloveka v svete prava na uvazhenie lichnoi i semeinoi zhizni v evropeiskom i rossiiskom prave [On the status of the human embryo in the light of the right to respect for personal and family life in European and Russian law]. *Zakon*, (4), 136–140.
- Golubov, I. I. & Grigorovich, E. V. (1999) Ugolovnaya otvetstvennost` pri ispol`zovanii iskusstvennykh metodov reproduksii [Criminal liability for the use of artificial reproductive methods]. *Yurist*, (11), 27–30.
- Konopleva, E. L. & Ostapenko, V. M. (2015) K voprosu o proekte federal`nogo zakona 'O donorstve organov, chastei organov cheloveka i ikh transplantatsii (peresadke)' [On the issue of draft Federal law 'On donorship of organs, parts of human organs and transplantation (encatarrhaphy) thereof']. *Meditsinskoe pravo*, (3), 14–19.
- Kovler, A. I. (2002) *Antropologiya prava* [Anthropology of Law]: textbook for universities. Moscow, Norma, 467.
- Montgomery, J. (2018) Modification of the Human Genome: Challenges from the Human Rights Sphere Caused by Scientific and Technological Advances. *Precedents of the European Court of Human Rights*, (3), 42–56.
- Volkova, T. (2004) Pravovaya zashchita prava na zhizn` novorozhdenного [Legal protection of the right to life of a newborn]. *Zakonnost`*, (4), 6–10.

Информация об авторе

Александр Сергеевич Кушнарев – аспирант кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: kushnarev-02@list.ru).

Information about the author

Alexander S. Kushnarev – postgraduate student of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: kushnarev-02@list.ru).

© А. С. Кушнарев, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 31.10.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 05.11.2025